

A man with dark hair, wearing a dark jacket, is shown in profile, looking out of a window. The window is covered in condensation or rain, and the view outside is blurry. The man's expression is somber. The background wall is peeling and aged. The lighting is dim, creating a moody atmosphere.

Екатерина Баскова

Семь

Екатерина Баскова

Семь

<https://litres.ru/74139399>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе, где каждый в двадцать лет должен назвать число — от нуля до пятидесяти, — это число становится твоей лицензией на чужую жизнь. Герой просыпается в день своего совершеннолетия, зная, что выбор неизбежен. Ноль сделает его беззащитным. Пятьдесят — палачом с отсрочкой. Семь кажется ему компромиссом. Но, вписывая цифру в бланк под взглядами Вопрошающих и толпы за окном, он понимает: первая жизнь, которую он отнимет, уже принадлежит ему. Это его собственная — та, в которой он ещё верил, что можно не выбирать. Короткая, ледяная история о цене взросления в мире, где закон измеряется смертями, а тишина утра тяжелее любого приговора.

Екатерина Баскова

Семь

Скрип половицы вырвал меня из сна. Я лежал, не открывая глаз, слушал, как комната наливается тишиной. Горло саднило, язык присох к нёбу, под щекой простыня отсырела и холодила. За стеной кто-то кашлянул — и сразу затих, будто испугался собственного звука. На столе, в сером прямоугольнике окна, темнела кружка с чаем. Я не помнил, когда налил. Пакетик разбух, нитка прилипла к фарфору, на поверхности затянулась мутная плёнка.

Скрип повторился. Медленный, осторожный. Я сел, не зажигая света. Та половица у входа всегда выдавала чужих. Прежние хозяева умерли здесь с двойкой на руках — пережили свой срок и почти всех соседей. Дом будто не знал, чей он теперь. Стены хранили запах сырой штукатурки, чужого табака и валерьянки.

За окном висело утро — белое, выцветшее, как старая простыня. От стекла исходил холод даже на расстоянии, рама вздрагивала от ветра. Внизу, на площади, уже толпились. Не много — несколько фигур у фонаря, дворник с метлой, женщина в длинном пальто, двое пацанов у ларька. Делали вид, что ждут автобус. Но все смотрели на наш дом. Сегодня

мне стукнуло двадцать.

Я провёл ладонью по лицу. Кожа была влажная и липкая. В двадцать лет надо назвать число, и город чувствует это острее, чем любой календарь. Кто-то заранее зашторивается, кто-то, наоборот, выходит во двор — не пропустить момент. Вчера соседка с третьего этажа сунула под дверь банку варенья. Без записки. Крышка была плохо закручена, сироп вытек на коврик, оставил багровую лужу. Я наступил в неё ночью и долго оттирал подошву в ванной, пока вода не стала розовой.

Шаги на лестнице раздались около девяти. Гулкие, с железным пристуком на каждой ступени. В доме разом стихло. Даже трубы перестали гудеть. Я припал к глазку: двое. Серые пальто, папки, тонкие перчатки. У мужика на воротнике болталась белая нитка — он не замечал. Баба стояла чуть сзади, ровно, как палка у крыльца. Их ботинки с подковками оставляли на полу сырые следы.

Я открыл дверь раньше, чем они постучали.

Мужик глянул на меня, потом на номер квартиры. Сверил, хотя и так было ясно.

— Доброе утро, — сказал он. Голос сухой, с хрипотцой — будто он сто раз повторял одно и то же в чужих прихожих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.